Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 2, pp. 183–194, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-183-194
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК 94(517)+332.2.021

Влияние земельно-пастбищных отношений на территориально-административное деление в Монголии в процессе формирования сельскохозяйственных объединений (1935–1959 гг.)

Турдалай Раднаасэд[1]
[1] Академия наук Монголии, Институт международных отношений (д. 1, ул. Премьер-министра А. Амара, 14200 Улан-Батор, Монголия)
научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-7775-3682. E-mail: turdalair@mas.ac.mn

Аннотация. *Цель статьи* — рассмотреть влияние земельно-пастбищных отношений на особенности формирования сельскохозяйственных объединений (СХО) в 1935–1959 гг. в аспекте административно-территориального деления. *Результаты.* В связи с одновременным существованием частной и государственной кооперативной собственности в результате формирования и развития сельскохозяйственных кооперативов, повлиявших на земельно-пастбищные отношения, в МНР был поднят ряд актуальных вопросов. Такие предприятия государственного и кооперативного типа, как сельскохозяйственные кооперативы, госпредприятия, машинно-тракторные станции, фермерские кооперативы, пришли к необходимости детальной регламентации земельно-пастбищных отношений и реорганизации территориального управления МНР. В истории Монголии в период с 1950 по 1960 гг. была осуществлена крупнейшая реорганизация административного деления Монголии на 1568 багов, 330 сомонов и 21 аймак. Основную роль в этой ситуации сыграла политика регулирования землепользования и обеспечения пастбищ для 255 сельскохозяйственных кооперативов, 17 совместных кооперативных предприятий, 9 совместных кооперативов и 90 государственных предприятий, просуществовавших до 1990 г. *Выводы.* Земельные отношения как основа развития скотоводства в процессе формирования сельскохозяйственных объединений и в период после ликвидации сельскохозяйственных объединений были изменены в МНР коренным образом. Однако земля как объект общего пользования находилась в юрисдикции государства, и им осуществлялось управление земельными отношениями и системой сельскохозяйственных объединений. Таким образом, имелся общий регулятор в виде государства. Это являлось преимуществом перед сегодняшним положением, когда интересам многочисленных скотоводов не соответствует преобладание земель общего пользования.

Ключевые слова: процесс присоединения к сельскохозяйственным объединениям, земельные отношения, земельные угодия, административно-территориальное деление

Для цитирования: Турдалай Раднаасэд. Влияние земельно-пастбищных отношений на территориально-административное деление в Монголии в процессе формирования сельскохозяйственных объединений (1935–1959 гг.). Oriental Studies. 2019;(2):183-194. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-183-194.

UDC 94(517)+332.2.021

Mongolia's Administrative Division during the Formation of Agricultural Associations (1935–1959): the Impact of Land and Pasture Issues

Turdalai Radnaased[1]

[1] Mongolian Academy of Sciences, Institute of International Relations (1, Prime Minister A. Amar Str., Ulaanbaatar 14200, Mongolia)
Research Associate
ORCID: 0000-0001-7775-3682. E-mail: turdalair@mas.ac.mn

Abstract. The *goal* of the article is to consider the impact of land and pasture issues on peculiarities of formation of the agricultural cooperatives in 1935–1959 concerning the administrative-territorial division. *Results*. The co-existence of private and state cooperative property resulting from the emergence and development of agricultural cooperatives that had a certain impact on land-pasture relations in the MPR gave rise to a number of essential issues and difficulties. State and cooperative organizations, such as agricultural cooperatives, state enterprises, machine-tractor stations, farmer cooperatives, finally required detailed regulations for land-pasture relations to be accompanied by a reorganization of the territorial-administrative division of the MPR. That proved the biggest reorganization in the history of Mongolia from 1950 to 1960, and the country was administratively divided into 1568 bags, 330 soums and 21 aimags. The wealth creation, land exploitation and pasture policy for the 255 agricultural cooperatives, 17 joint cooperative enterprises, 9 joint cooperatives and 90 state enterprises that had existed until 1990 played the key role in the situation. *Conclusion*. Land-pasture relations as the basis for cattle breeding were drastically changed in the MPR during the formation of agricultural cooperatives and in the post-liquidation period. However, the land as common amenities was within the jurisdiction of the state, which governed land matters and the system of agricultural coopreatives.

Keywords: process of joining agricultural cooperatives, land relations, lands, administrative-territorial division

For citation: Turdalai Radnaased. Mongolia's Administrative Division during the Formation of Agricultural Associations (1935–1959): the Impact of Land and Pasture Issues. Oriental Studies. 2019;(2):183-194. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-183-194.

Введение

В Монголии отсутствие специального государственного закона о воде до начала 1950-х гг., то есть до создания сельскохозяйственных объединений (СХО), негативно влияло на защиту колодцев и различных водных источников, правильную эксплуатацию водных источников, снабжение пастбищ водой, повышение емкости (вместимости) пастбищ и орошение полей и сенокосных площадей. Главной причиной указанных трудностей являлось абсолютное отсутствие внимания к границам багов, сомонов, аймаков в МНР. Араты создавали большие проблемы, перекочевывая по своей воле по территориям других багов и сомонов, эксплуатируя пастбища не в соответствии со своими территориями и выгоняя свой скот на пастбища, которые были в резерве аратов из других багов [МУУТА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 994. Л. 55–58].

Цель статьи — рассмотреть влияние земельно-пастбищных отношений на особенности формирования сельскохозяйственных объединений в 1935–1959 гг. в аспекте административно-территориального деления.

Материалы

В 1942 г. в МНР был утвержден закон о землепользовании. Но в обществе преобла-

дало традиционное землепользование; народные собственники (араты) и члены СХО в течение 10 лет, с 1940 по 1950 гг., занимали под пастбища большую часть эксплуатируемой земли. Площади на сенокос и пахоту имели три основных части.

Как показывают архивные документы, до 1942 г. по всей стране пастбища не разделялись на предназначенные для народных собственников и членов СХО. Продолжал бытовать обычай пользоваться пастбищами сообща. В Монголии участки для пастищ официально не распределялись по подушевому принципу, однако в середине XX в. на местах появлялись попытки организации рационального пастбищепользования. Так, организовывали работу по пастбищепользованию в зависимости от времени года и защите пастбищ для зимовки, что означало ограждение от выпаса скота в теплое время года. Это было самым важным мероприятием по пастбищепользованию в истории монголов, которые занимались кочевым скотоводством, отличавшимся большой зависимостью от климата и в целом — от природных условий.

Несмотря на то, что в законе о землепользовании 1942 г. было обращено специальное внимание на статус народных производственных объединений и государственных организаций по землепользованию, практически отсутствовали общая плановая политика в регулировании вопросов по пастбищам для народных собственников и членов СХО, а также эффективное управление с использованием достижений науки. До 1954 г., когда была создана профессиональная служба по вопросам земли в МНР, отсутствовала и связь между аймаками и сомонами по вопросам земельных отношений. Такая ситуация негативно влияла на развитие сельского хозяйства в Монголии, на качество и количество скота и на прекращение частых споров и конфликтов между членами СХО и народными собственниками по пастбищепользованию.

Отсутствие окончательного решения вопросов об увеличении числа водных источников и обеспечении пастбищ орошением с начала XX в. по сей день является главным препятствием в рациональном использовании пастбищ и извлечении максимальной пользы от них. До начала 1950-х гг. не было специального закона о водных источниках, что особенно негативно влияло на защиту колодцев и водных источников и их правильное использование, увеличение вместимости пастбищ и орошение полей и площади для сенокоса. Главной проблемой, определившей трудности и испытания для скотоводов, являлось нарушение установленных границ багов, сомонов и аймаков в МНР аратами, которые кочевали самовольно по пастбищам, принадлежавшим другим, неправильно эксплуатировали пастбища. Повсеместно наблюдались случаи, когда пастухи одного бага пасли свой скот на пастбище другого бага, которое находилось в запасе на зиму и весну, и это создавало большие трудности в развитии скотоводства [МУУТА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 994. Л. 55–58]. При появлении актуального испытания общих сил в виде ремонта колодцев или тушения пожара имели место уход от ответственности и поиск виновных среди других пользователей [МУУТА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 994. Л. 55–58].

Араты предпочитали кочевать по их сложившимся обычаям, протестовали против обновленного местного территориально-административного деления, и распространенным было мнение, согласно которому считалось неправильным четкое определение границ багов, сомонов. Например, председатель 3 бригады сомона Уулбаян Сухбаатарского аймака Жамбалсурэн говорил: «...Границы для багов и сомонов будут не соответственными. Это ограничит свободные кочевки аратов», а арат из Сухбаатарского аймака Шаравдорж так выразил недовольство обновлению и изменению территориально-административного деления и призывал к игнорированию политики по регулированию пастбищ: «... Здесь, где кочевки очень частые, лучше быть без границ. Если будут такие границы, появится, наверно, много конфликтов» (цит. по: [Na. Jiγbaral 1953: 97]). Таких примеров были десятки.

Кроме проблемы пастбищ, в указанный период стоял остро и другой вопрос — в отношении площадей для сенокоса. С 1940 по 1950 гг. нарушение закона в виде тайных аренд площади для пахоты и сенокоса встречалось очень часто. Народные собственники, у которых число голов скота увеличивались, переезжали в другой сомон в поисках пастбищ и сталкивались с нема-

лыми трудностями в поисках земли для сенокоса. В таких случаях люди во многих аймаках договаривались между собой, и одни косили сено в пади и делили сено с другими в соотношении 50/50 процентов. Для регулирования таких незаконных отношений по вопросу о пастбищах и сенокосных землях осуществлялись попытки внедрять три основных метода по распределению земель на сенокос:

1) земельные участки распределялись с учетом численности голов скота;

2) в некоторых местах распределялись земли по запланированному (определенному) числу голов скота;

3) при распределении земель для сенокоса число голов скота определяли по головам крупного скота [МУҮТА. Ф. 1. Оп. 5. Д. 294. Л. 25].

Для защиты сенокосной земли пастбище распределялось на четыре части в соответствии с 4 сезонами года, и для урегулирования земельных отношений стада должны были находиться под постоянным присмотром, предполагалось содержать караулы (с выплатой зарплаты) у границ территорий багов, сомонов, а также отметить границы камнями или определить границы по природным объектам. Однако в этот период официальное детальное измерение и межевание земли не имело распространения. Как пишет Н. Жагварал, единственный случай, когда осуществили измерение площади для сенокоса, имел место в урочище Улаан бургас вблизи города Алтанбулаг [Na. Jiγbaral 1953: 101].

В период с 1940 по 1950 гг. владение пахотной землей в МНР имело важное значение. Как отмечалось в отчете исследования научного сотрудника Научного комитета Сандуйжава, в 1951 г. более 40 организаций и учреждений в Улан-Баторе имели подсобное хозяйство в виде овощных хозяйств, которые находились вдоль реки Левой Сэлбэ.

В то время выращиванием овощей занимались часто китайцы, так как монголы не сажали овощей, хотя государственные организации, хозяйственные и производственные предприятия владели огородами и пахотными землями [МУҮТА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 145. Л. 131–133].

Согласно «Закону о землепользовании» иностранцы должны были платить аренду на землю в случае землевладения и землепользования и получать специальную лицензию, однако в реальной жизни этот параграф закона фактически не реализовался [Жагварал 1958].

Китайцы выращивали овощи для частных лиц или предприятий с получением за это зарплаты или заключали договор с определенной организацией на условиях сдачи половины урожая организации, с тем чтобы другая половина оставалась им. Они не платили подоходный налог, ссылаясь, что имеется договоренность с организациями, — и это являлось серьезным нарушением закона МНР. Таким образом, организация земельных отношений в исследуемый период была очень слаба, и очень проблематичным являлось осуществление единой политики и контроля.

Наряду с процессом формирования СХО, активизировались и процессы урбанизации, в результате которых частные собственники стали переезжать в город и селения, несмотря на то, обобществлялся или нет их скот с 1950 г.

Следствием таких процессов стали срывы плана по увеличению поголовья скота и заготовке сырья для государства, вместе с тем никто не нёс за это ответственность. Поэтому кредит (впоследствии он превратился в большой долг в 11,5 млрд американских долларов) и помощь Советского Союза были направлены на осуществление политики по уравновешенному развитию селького хозяйства наряду с развитием индустрии, культуры, образования, здравоохранения, а также обороны.

С середины 1950-х гг. до середины 1980-х гг. ЦК МНРП и Совет министров осуществляли программы, направленные на развитие сельской местности. Так, для мотивации людей создавались различные лозунги, которые призывали молодежь в сельскую местность. Молодым людям выдавали ревсомольские путевки, выдавали помощь и кредиты и т. д. Было создано много произведений искусства по сельской тематике (сняты художественные и документальные фильмы, написаны романы, повести, рассказы, стихотворения, песни и т. д.).

Однако все эти мероприятия не остановили миграцию, направленную в селения и урбанизированные места, что подтверждается историческим фактом провала государственной политики по прекращению про-

цесса продолжительного увеличения числа населения городов Улан-Батор, Эрдэнэт и Дархан в XX в.

В данной связи необходимо отметить актуальность изучения фактов, документов и богатой информации, содержащейся в архивах и в центральном ведомстве статистики, связанной с гражданами, которые переселились в г. Улан-Батор и другие крупные населенные пункты во время формирования СХО [БНМАУ-ын 1921–1958 онуудын… 1960; БНМАУ-ын улс ардын … 1981; XX зуун эмхэтгэл 2006; Статистикийн эмхэтгэл 2006].

Таким образом, изучение процесса формирования СХО может способствовать выяснению влияния этого процесса на структуру монгольского общества [Авирмид 1960; БНМАУ-ын нийгмийн бүтэц… 1984], а также на его общественные, этнические и культурные процессы.

В 1970-е гг. указанные процессы в определенной мере изучались в исследованиях этнологического, социологического характеров среди жителей города Улан-Батора. Однако изучение в этом направлении не велось непрерывно и до настоящего времени находится в неудовлетворительном состоянии.

Ученые имеют принципиальные разногласия по вопросу о влиянии периода формирования СХО на общество, экономику, культуру и вопросу об исторических результатах указанного периода. Особенно различаются заключения научных исследований в части оценки изменений в традиционном стиле пастбищепользования. Немало ученых, которые критически относятся к реальному общественно-экономическому влиянию формирования СХО.

Так, Ц. Шагдарсурэн отмечает, что по мере интенсификации урбанизации в МНР и внедрения сельскохозяйственных достижений, современных техник и технологий из Советского Союза и других братских социалистических стран традиционная монгольская кочевая жизнь и ее культурное (в том числе и литературное) наследие стали уничтожаться [Шагдарсурэн 2003: 37].

Д. Базаргур, предложивший новое научное направление, названное им «Скотоводческая география», в своей теоретической работе писал: «В процессе формирования СХО наблюдалась тенденция привести кочевников к централизованной оседлости на основе кооперации труда в отгонном скотоводстве. Причина провала в реализации этой тендеции в жизнь состоит в неправильности гармонизации традиционного кочевого образа и инноваций. То есть в годы социализма были сделаны ошибки в овладении „экологически гармоничным урочищем отгонного скота“» [Базаргүр 1998: 22–23].

Ученые, работавшие в этом направлении, многократно указывали, что исследование вопроса о земле предполагает наличие комплексного подхода и связано с делением территории на основе особенностей экосистемы и продуманной и взаимосвязанной организации земли.

Однако после 1990-х гг. западные исследователи стали обращать внимание на этот вопрос и стали делать совершенно иные заключения. Их позиция была связана с перечислением ошибок и принудидельных мер при создании СХО. Йорг Янцен предложил заменить понятие кочевого скотоводства понятием «мобильное скотоводство», основываясь на том, что кочевое скотоводство, которое существовало до движения формирования СХО в Монголии, фактически исчезло [Janzen 2004: 130–136].

Как показывает анализ архивных документов, не было переворота в решении вопроса о пастбищной земле, который являлся коренным вопросом в отношении сельскохозяйственной земли в исследованный нами период формирования СХО с 1935 по 1959 гг. Партия и правительство придерживались политики относительного сохранения традиционного способа владения землей скотоводами, и последние успешно сочетали традиционное скотоводство и культуру пастбищевладения с современными научными достижениями, которые внедрялись с помощью Советского Союза. Следовательно, до 1960-х гг. негативное влияние на пастбищепользование в Монголии было сравнительно небольшим. Вопросы, рассмотренные вышеупомянутыми исследователями, связываются с периодом 1960–1990 гг. (период СХО) и с 1990-ми гг., когда СХО перестали существовать и появились изменения в землепользовании, общественной культуре и духовной жизни.

Решение вопроса о перестройке территориально-административного деления в МНР со времен формирования СХО и до

наших дней постоянно сталкивалось с трудностями, что требует отдельного рассмотрения истории данного вопроса.

В изучаемый нами период землепользование в СХО оказало влияние на местную административно-территориальную организацию. При межхозяйственной организации в 1956 г. сомоны были разделены по плану на СХО и госхозы, и такая организация была уточнена и исправлена в период 1973–1975 гг. Это административно-территориальное деление до сих пор осталось фактически без изменений. Тогдашнее деление всей территории МНР по принципу учета хозяйственных особенностей создало ныне целый ряд проблем, требующих изучения. Причина таких проблем состоит в следующем:

– при создании СХО в период с 1935 г. не учитывались особенности населения, природно-экономическая и инфраструктурная ситуации, при делении были учтены старые территории сомонов и монастырей;

– при восстановлении сомонов в период 1950–1970 гг. сохранялось деление по территории СХО, госхозов и городов, и в результате сегодня имеется немало проблем землепользования и землевладения.

По мнению некоторых ученых, административно-территориальное деление МНР при формировании СХО было в основном неправильным. В результате многолетних исследований было определено, что какая-то часть границы «экологически благоприятных краев» совпадает с частью границы административно-территориальных делений, а их центры находятся вдоль определенных границ природы и общества. Однако административное и хозяйственное деление в 1959 г. привело к упразднению в течение 30 лет 117 сомонов и перекочевке — 108 сомонов; все эти изменения охватили 60 % всех сомонов. Впоследствии около 100 сомонов и хозяйств имели споры и разногласия по вопросу о распределении территории [Базаргүр 1998: 72].

В течение 30 лет со времен создания СХО площадь территории аймаков Архангай, Говь-Алтай, Дорноговь, Дорнод, Южногобийский, Сухбаатар и Ховд увеличились, а территория аймаков Дундговь, Завхан, Убурхангай, Центральный, Увс и Хэнтий уменьшилась. Площадь территории аймаков Баян-Улгий, Баянхонгор, Булган, Сэлэнгэ и Хувсгул была стабильной, без изменений, до 1991 г. (см. таблицу 1).

Таблица 1. *Площади территории 18 аймаков и изменения с 1959 по 1991 гг. (тыс. км²)*
[Table 1. Areas of the 18 aimags and changes between 1959 and 1991 (thous. sq. km)]

№	**Название аймаков**[1] [Aimag name]	**1959**	**1965**	**1971**	**1991**
1	Архангай	47	55	55	55
2	Баян-Улгий	46	45	46	46
3	Баянхонгор	116	116	115	116
4	Булган	48	49	49	48.9
5	Говь-Алтай	126	142	142	142
6	Дорноговь	101	121	123	111
7	Дорнод	120	121	114	123.5
8	Дундговь	79	77	76	78
9	Завхан	90	82	82	82
10	Сухбаатар	71	81	82	82
11	Сэлэнгэ	—	43	43	42.8
12	Убурхангай	69	63	63	63
13	Увс	76	68	69	69
14	Умнуговь (Южно-Гобийский)	156	164	163	165
15	Ховд	73	76	76	76
16	Хувсгул	102	100	100	101
17	Хэнтий	89	81	81	82
18	Центральный	126	78	78	81

[1] [БНМАУ-ын улс ардын … 1960: 13; БНМАУ-ын хөдөө аж ахуй… 1974: 33–34; БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 1991: 4–6].

Площадь Южно-Гобийского (Умнуговь) аймака, которая насчитывала 165 000 км^2 во время завершения формирования СХО (т. е. в 1959 г.), увеличилась на 9 000 км^2 при распаде СХО и в 1991 г. составляла 174 000 км^2. Сэлэнгийский (Сэлэнгэ) аймак, который имел самую маленькую территорию, в 1959 г. был ликвидирован и в 1960 г. воссоздан, в 1991 г. имел территорию в 42 800 км^2. Сэлэнгийский аймак имеет территорию в 4 раза меньше территории Южно-Гобийского аймака. Площади территории аймаков Сэлэнгэ, Баян-Улгий и Булган до сих пор меньше на 27 000 км^2 территории Южно-Гобийского аймака [БНМАУ-ын хөдөө аж ахуй… 1974: 33–34].

Как видно, несмотря на детальное административно-территориальное деление, площади территорий аймаков до настоящего времени разные, в зависимости от природно-климатических условий, природно-зональных особенностей, плотности населения и других факторов природы, общества и экономики.

Кроме аймаков, сравнительно разные и площади сомонов. Сравнение площадей 18 сомонов на 1 января 1971 г. выглядит следующим образом (см. таблицу 2).

Таблица 2. *Площади сомонов и аймаков (данные на 1 января 1971 г., тыс. км^2)*
[Table 2. Areas of sums and aimags (as of January 1, 1971; thous. sq. km)]

№	Название аймака [Aimag name]	Сомон с самой большой площадью [Sum with the largest area]	Сомон с самой маленькой площадью [Sum with the smallest area]
1	Архангай	Хангай (660,4)	Угийнуур (161,9)
2	Баян-Улгий	Цэнгэл (668,5)	Бугат (141,4)
3	Баянхонгор	Баян-Ундор (1 685,0)	Заг (249,0)
4	Булган	Тэшиг (771,5)	Хантай (212,0)
5	Говь-Алтай	Алтай (2 028,1)	Бигэр (314,5)
6	Дорноговь	Улаанбадрах (1 447,5)	Даланжаргалан (392,3)
7	Дорнод	Халх гол (2 800,8)	Хөлөнбуйр (378,5)
8	Дундговь	Улзийт (1 656,3)	Дэлгэрцогт (249, 3)
9	Завхан	Алдархаан (725,4)	Тэс (225,9)
12	Сухбаатар	Сухбаатар (1 298,0)	Наран (286,0)
13	Сэлэнгэ	Ерoo (1 187,9)	Дархан (42,5)
10	Убурхангай	Богд (1 048,5)	Хужирт (166,3)
15	Увс	Завхан (697,3)	Улгий (168,9)
11	Умнуговь (Южно-Гобийский)	Гурвантэс (2 844,2)	Мандал-Овоо (523,8)
16	Ховд	Алтай (1 377,5)	Дуут (192,7)
17	Хувсгул	Ринчинлхумбэ (1 266,9)	Туморбулаг (158,9)
18	Хэнтий	Хэнтий (740,6)	Идэрмэг (223,7)
14	Центральный	Баянцагаан (587,4)	Архуст (96,6)

Анализ приведенных данных позволяет сделать вывод, что площади территории сомонов были неодинаковыми в Монголии с 1959 г. Например, площадь самого большого сомона Гурвантэса Южно-Гобийского аймака Монголии 67 раз больше самого маленького сомона Дархан Сэлэнгийского аймака.

Все 329 сомонов Монголии занимают 152 338,5 тыс. га земли, однако деление этой площади на сомоны было неравномерным, и разницу в размерах площадей не сумели устранить и в годы формирования СХО. Например, существуют 15 сомонов, которые имеют территорию с одинаковыми размерами (длиной и шириной), площадью 50 км^2. В зависимости от природных зон сомоны имеют территории, различающиеся по площади (от 10 км до 67 км); некоторые сомоны имеют 2 800 тыс. га площади.

Сомоны в центрах аймаков имеют в 10–15 раз меньшие площади, но отличаются большей плотностью населения (в 4–5 раза больше, чем в других сомонах). Ныне 43 %

[1] См.: [БНМАУ-ын хөдөө аж ахуй… 1974: 33–34].

всех сомонов (т. е. 141 сомон), занимающие площадь от 200 по 500 тыс. га, являются наиболее типичными.

Как было изложено выше, по форме организации площадей земли сомонов делились в 1956 г. на территории госхозов и СХО. В 1973–1975 гг. произошли некоторые уточнения, и такое распределение площадей не изменяется до сих пор. Вследствие деления территории без учета климата и размеров, а также из-за нагрузки на пастбище постоянно возникают споры и конфликты.

С 1960 г. появилась тенденция отказа от принципа территориального образования; началось создание хозяйств, городов и сел со статусами сомонов, и в результате появилось много сомонов и центров, которые практически не занимают определенные территории.

Такое обстоятельство связано с отсутствием исследований, достаточных для разработки политики землепользования и связанных с ней многих других вопросов в МНР до и после формирования СХО.

Как показывают исторические факты, проводилась политика по обобществлению стад и табунов скота на земле в рамках создания СХО, в процессе реализации которой господствовал интерес к собственности, а вопрос о землевладении и пастбищах был оставлен в стороне.

Однако во всем мире вопросы по земельному менеджменту не были систематизированы до середины 1950-х гг. В Монголии также не было крупных ученых и организаций, которые изучали бы вопросы землепользования. Кроме того, отсутствовали профессиональные кадры, прошедшие специальную подготовку по вопросам о земле.

Следовательно, хотя административно-территориальное деление в МНР было составлено на основе развития и укрепления СХО с учетом численности населения, состава стад, растительного покрова территорий и наличия пастбищ, а также в связи с государственным планом производства сельскохозяйственных продуктов, тем не менее основной вопрос земельных отношений не был разрешен вследствие недостаточной его изученности.

Тем не менее причина такой ситуации состоит в особенности периода, когда решение административно-территориального вопроса принималось с учетом экономических интересов и на основе пятилетних планов МНРП. Такое историческое положение стало причиной появления многих нынешних и будущих трудностей и испытаний в связи с местным административно-территориальным делением. Необходима реорганизация административно-территориального деления, осуществленного в основном в период СХО.

В Монголии имеется опыт административно-территориального деления в 1923, 1931, 1940, 1956, 1970, 1992 гг. на основе природных особенностей территорий сомонов и аймаков, традиционного расположения старых монастырей и с учетом развития СХО. Однако разработанное в 1940-х гг. административно-территориальное деление является до настоящего времени основой бытующего деления.

В 1990-е гг., когда СХО были ликвидированы, появилась потребность эксплуатировать пастбища в соответствии с кочевым образом хозяйствования. При этом стали реализовывать традицию, которая бытовала сотни лет: скотоводы в зонах лесных районов (хангай) прикочевывали летом в долину вдоль реки, а зимовали на южном склоне горы, где были защищены от сильного ветра, а те, которые жили в степи и пустыне (гоби), кочевали туда, где есть водные источники.

Самым подходящим местом пастбищепользования, согласно кочевым традициям, является, конечно, степь и лесостепь, и те, кто живут в этих природно-климатических зонах, кочуют в лесные районы (хангай) летом, а зимой, при неблагоприятных погодных условиях, — в пустынные районы (гоби).

Новые принципы регулирования пастбищепользования, согласно кочевым традициям, были осуществлены в первую очередь в организации труда и пастбищепользования. Деление скотоводов по бригадам при социализме было направлено на постепенный переход скотоводов к оседлости. Сутью такой организации было развитие скотоводства по плану [Баркманн 2006: 161].

Хотя процедура пастбищепользования, установленная с 1958 г., была основана на праве пастбищепользования скотоводами, она не была утверждена официально в каче-

стве закона, о чем не следует забывать. После ликвидации СХО традиционное право на пастбищепользование стало снова признаваться.

Политика по СХО способствовала созданию элементов оседлой культуры у монгольских скотоводов, которая выражалась во внешних на вид формах, однако предпринимавшиеся меры не могли полностью перевести всех скотоводов на оседлый образ жизни в XX в. Несмотря на крупные финансовые средства, которые государство вложило в решение вопроса о переходе скотоводов на оседлый социалистический образ жизни по структуре «сомон — СХО» и «сомон — госхоз», фактически ничего не было унаследовано от СХО, которые действовали при социализме, и скотоводы стали снова признавать наиболее значимыми свои собственные интересы.

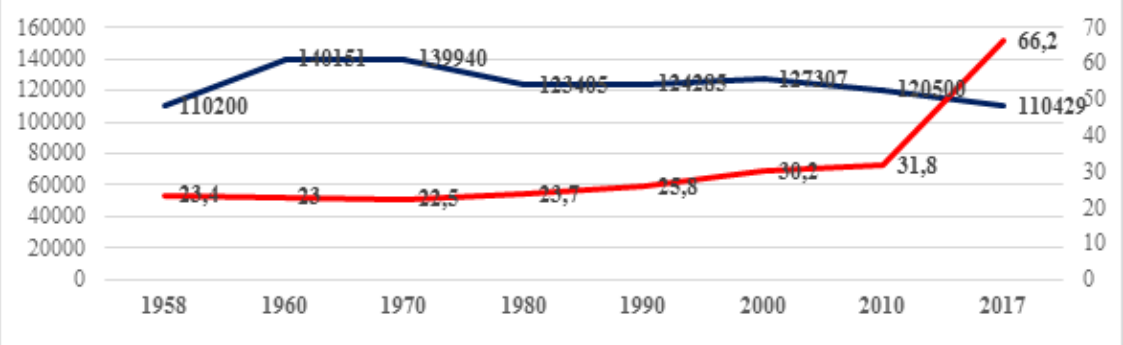

Рис. 2. *Соотношение пастбищной площади (млн гектаров) и количества скота (млн голов)*
[Fig. 2. Correlation between areas of pastures (mln ha) and livestock populations (mln heads)]
(Обозначения [Legends]: — Пастбищная площадь [Pasture area];
— Число голов скота [Number of livestock heads]

С другой стороны, в первой половине XX в. вследствие нехватки достаточных собственных знаний и отсутствия базы данных по организации и управлению земельными отношениями у монголов вопрос по земельно-пастбищным отношениям на научной основе решался при поддержке Советского Союза. Несмотря на очередные законы и уставы по земельно-пастбищным отношениям, принятые после народной революции 1921 г., их реализация была медленной и формальной.

Нельзя забывать, что, несмотря на вышеизложенные актуальные проблемы, при СХО пастбищные отношения в Монголии впервые в их истории рассматривались и развивались централизованно, регулирование их проводило государство на основе достижений современной науки.

При Х. Чойбалсане Монголия была страной кочевого скотоводства, а при Ю. Цэдэнбале она стала сельскохозяйственно-индустриальной страной, и сельскохозяйственная отрасль включала как скотоводство, так и земледелие, которое было механизированным; в скотоводстве использовались не только традиционные методы хозяйствования: имелось определенное кормовое хозяйство. Ю. Цэдэнбал сумел реализовать идею перестройки скотоводства Монголии и развить его в соответствии с новой теорией.

Ю. Цэдэнбал вспоминал позже: «Нельзя забывать то, что успех в реорганизации скотоводства по социалистическому образу был подготовлен всем процессом развития общества и экономики в МНР» [Цэдэнбал 1967: 410].

Российский исследователь Ш. Г. Надиров писал: «Известно, что одной из радикальных мер переустройства экономики Монголии на социалистических началах явилось кооперирование частных животноводческих хозяйств в конце 50-х годов. В принципе оно осуществлялось на основе ленинского кооперативного плана и с использованием опыта колхозного строительства в СССР. Однако МНРП проводила его осторожно, гибко, при активной поддержке основной массы аратов, что позволило избежать тех трагических издержек, которые сопровождали коллективизацию сельского хозяйства в Советском Союзе, ставшую одной из наиболее драматических страниц его истории» [Надиров 1995: 52–53; в переводе на монг. яз. эту цитату см.: Надиров 2016: 10].

В целом в годы существования СХО с 1960 по 1990 гг. у монгольских скотоводов развивались традиции солидарности, повысился уровень жизни, они были полностью охвачены службами здравоохранения, вовлечены в системы учреждений культуры и образования, получали зарплаты благодаря оценке их труда. Эти позитивные вещи нельзя игнорировать.

Однако самыми главными проблемами, которые критикуются исследователями при рассмотрении политики СХО, является количество скота для одной семьи и большая нагрузка на скотовода. Если случался падеж скота в СХО, то скотовод платил из своей зарплаты или отдавал собственный скот, в крайнем случае скотовода заключали в тюрьму. В результате скот СХО называли предметом «приговора», появилось негативное явление в монгольском обществе — сдавать свой скот безвозмездно в СХО и уезжать в города и селения.

Таким образом, Монголия в течение последних более чем девяноста лет интенсивно осуществляла различные попытки усовершенствовать скотоводство: в виде коммун в 1930-е гг., политики поддержки только богатых скотоводов в 1940-е гг., политики снабжения скотоводов материальными средствами, организации процесса формирования СХО в 1950-е гг. и создания госхозов и ферм в 1970 и 1980-е гг. Все эти попытки с разными названиями и целями не имели успеха, так как они были очень далеки от кочевого скотоводства, но каждая попытка реформ представляла значимый опыт в политике государства и жизни скотоводов [Энхтүвшин 2010].

Таким образом, земельно-пастбищные отношения в МНР представляли собой весьма сложный и трудный для разрешения, многосторонний вопрос.

В последние годы теоретико-практический метод землепользования Российской Федерации был обновлен, и ученые, которые изучают земельные отношения, обратились к изучению ошибочной политики в области земельных отношений, землепользования и организации. В работах российских ученых Ю. Г. Иванова и Б. И. Кочурова, исследующих земельные отношения, отмечается, что колхозное движение, начавшееся с 1930-х гг., не смогло сформировать свою теорию организации земли до сих пор. При планировании регионов для «перспективной организации деревень» организаторы исправляли основные количественные значения, посланные в государственную статистическую информацию, писали много разных научно-исследовательских произведений об успехах колхозов» [Иванов, Кочуров 2004: 84–88]. Следовательно, земельные отношения в рамках политики кооперации в Советском Союзе реализовались с самого начала без определенной концепции.

Выводы

Организация земельных отношений при осуществлении политики по интенсивному созданию колхозов и кооперирования в Советском Союзе, во многих странах Центральной Азии и МНР не имели установленной теоретико-методической идеологии: господствовали политический, геополитический и экономический интересы. Земельные отношения в процессе строительства социализма в Монголии в середине 1950-х гг. при поддержке Советского Союза не могли иметь решающее значение, ибо председатели партии и правительства не имели глубокого понимания вопроса и оставляли его вне своего внимания.

М. Фернандез-Гименез считает, что, хотя со времен перехода Монголии к рыночному обществу земельные отношения развивались по направлению землевладения и получению права на землю, большая часть пастбищ Монголии используется как земля общего пользования. Для монгольских скотоводов традиционные кочевки как основные виды и стратегия пастбищепользования являются наиболее подходящими методами хозяйствования в суровых природных условиях, и, следовательно, кочевки играют главную роль в преодолении этих трудных условий [Fernandez-Gimenez 2006].

Как показывают исследования ученых, земельные отношения как основа развития скотоводства в процессе формирования СХО и в период после ликвидации СХО были изменены в МНР коренным образом. Однако земля как объект общего пользования находилась в юрисдикции государства, и им осуществлялось управление земельными отношениями и системой СХО. Таким образом, имелся общий регулятор в виде государства. Это являлось преиму-

ществом перед сегодняшним положением, когда интересам многочисленных скотоводов не соответствует преобладание земель общего пользования.

Источники

ХХ зуун эмхэтгэл 2006 — ХХ зуун эмхэтгэл — Цуврал (Статистикийн эмхтгэл) (= Свод данных XX в. (Статистический сборник)). Улаанбаатар: Үндэсний Статистикийн Газар, 2006. 320 х. (На монг. яз.)

БНМАУ-ын 1921–1958 онуудын… 1960 — БНМАУ-ын 1921–1958 онуудын улс ардын аж ахуй, соёлын хөгжилт. Статистикийн эмхэтгэл (= Развитие культуры и народного хозяйства МНР в 1921–1958 гг. Статистический сборник). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1960. 196 х. (На монг. яз.)

БНМАУ-ын нийгмийн бүтэц… 1984 — БНМАУ-ын нийгмийн бүтэц (Түүх, социологийн судалгаа) (= Общественный строй МНР (Исследования по истории и социологии)). Эрхэлсэн Л. Бат-Очир. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1984. 316 х. (На монг. яз.)

БНМАУ-ын хөдөө аж ахуй… 1974 — БНМАУ-ын хөдөө аж ахуй 50 жилд. Статистикийн эмхэтгэл (= К 50-летию сельского хозяйства МНР. Статистический сборник). I боть, Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1974. 310 х. (На монг. яз.)

БНМАУ-ын улс ардын … 1981 — БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд (1921–1981 он). Статистикийн эмхтгэл (= К 60-летию народного хозяйства МНР (1921–1981). Статистический сборник). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1981. 254 х. (На монг. яз.)

БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 1991 — БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 70 жилд (1921–1991) (= К 70-летию народного хозяйства МНР (1921–1991)). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1991. 254 х. (На монг. яз.)

БНМАУ-ын улс ардын … 1960 — БНМАУ-ын улс ардын аж ахуйн хөгжилт. Статистикийн эмхэтгэл (= Развитие народного хозяйства МНР. Статистический сборник). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1960. 198 х. (На монг. яз.)

МҮҮТА — Монгол Улсын Үндэсний Төв Архив (= Национальный архив Монголии. Ф. 1. Оп. 4. Д. 145). Хөмрөг-1 (Х.-1). Данс 4 (Д. 4). Хадгаламжийн нэгж 145 (Х. н. 145). (На монг. яз.)

Na. Jiγbaral 1953 — *Na. Jiγbaral.* Mongol daki γajar-un asaγudal [= Вопросы земли в Монголии] (γar bicimel [= рукопись]). bu.na. mo.a.ulus-un sinjilekui uqaγan-u kuriyeleng, teuke-yin kabinet, Ulaγanbaγatur, 1953. 97 duγar tal-a.

Статистикийн эмхэтгэл 2006 — Статистикийн эмхэтгэл (монгол, англи хэлээр) (= Статистический сборник). Улаанбаатар: Үндэсний Статистикийн Газар, 2006. 325 х. (На монг. и англ. яз.)

Sources

[20th century statistical books — Series]. Ulaanbaatar: National Statistics Department, 2006. 320 p. (In Mong.)

[50 years of livestock breeding economy in the MPR]. Collected statistical data. Vol. I. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1974. 310 p. (In Mong.)

[Development of the MPR's national economy]. Collected statistical data. Ulaanbaatar, 1960. 198 p. (In Mong.)

[Development of the national economy and culture in the MPR: 1921 to 1958]. Collected statistical data. Ulaanbaatar, 1960. 196 p. (In Mong.)

[National economy of the MPR in 60 years: 1921 to 1981]. Collected statistical data. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1981. 254 p. (In Mong.)

[National economy of the MPR in 70 years: 1921 to 1991]. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1991. 254 p. (In Mong.)

[Statistical yearbook: 2006]. Ulaanbaatar: National Statistics Department, 2006. 325 p. (In Mong. and Eng.)

[Social structure in the MPR: a historical and sociological study]. L. Bat-Ochir (auth.). Ulaanbaatar, 1984, 316 p. (In Mong.)

Mongolian National Central Archives. Fund 1. Series 4. File 145. Pp. 55–58. (In Mong.)

Jiγbaral Na. [Land issues in Mongolia]. A manuscript. Ulaanbaatar, 1953. 97 p. (In Mong.)

Литература

Авирмид 1960 — *Авирмид С.* БНМАУ-ын ангийн бүтэц өөрчлөгдөж ирсэн тухай / хянасан Ж. Аминдаваа (= Изменения в классовой структуре МНР). Улаанбаатар: Эрдэм шинжилгээний хэвлэл, 1960. 26 х. (На монг. яз.)

Базаргүр 1998 — *Базаргүр Д.* Бэлчээрийн мал аж ахуйн газарзүй (= География пастбищного животноводства). Улаанбаатар: Солонго Пресс Хэвлэлийн Газар, 1998. 245 х. (На монг. яз.)

Баркман 2006 — *Баркманн Удо Б.* Монголын мал аж ахуй шилжилтийн нөхцөлд (1990–2000) (= О последствиях перехода монгольского животноводства (1990–2000)). МУИС-ийн НШУС. Түүх эрдэм шинжилгээний бичиг. 2006. № 33. Х. 153–165. (На монг. яз.)

Жагварал 1958 — *Н. Жагварал.* Современное аратство и аратское хозяйство в МНР. Эдийн засгийн шинжлэх ухааны доктор (ScD)-ын зэрэг горилсон диссертаци. Улаанбаатар, 1958. 356 х.

Иванов, Кочуров 2004 — *Иванов Ю. Г, Кочуров Б. И*. О содержании теории землепользования // Проблемы региональной экологии. 2004. № 3. С. 84–88

Надиров 1995 — *Надиров Ш. Г*. Цэдэнбал, 1984 год. М.: БиГ-Н; Вост. лит., 1995. 188 с.

Надиров 2016 — *Надиров Ш. Г. Ю.* Цэдэнбал — 1984 / Орчуулсан Б. Баасансүрэн, Ю. Кручкин. Улаанбаатар: Интерпресс, 2016. 212 х. (На монг. яз.)

Цэдэнбал 1967 — *Цэдэнбал Ю*. Илтгэл, өгүүлэл, хэлсэн үг (= Доклады, сообщения, высказывания). II боть. Улаанбаатар: Государственная типография, 1967. 284 х. (На монг. яз.)

Шагдарсурэн 2003 — *Шагдарсүрэн Ц*. Монголчуудын утга соёлын товчоон (= Свод духовной культуры монголов) (La Culture spirituelle des Mongols). Bibliotheca Mongolica. Т. II. Улаанбаатар: Centre for Mongol Studies (National University of Mongolia), 2003. 304 х. (На монг. яз.)

Энхтүвшин 2010 — *Энхтүвшин Б.* Даяаршил. Монгол Улс ба Монголчууд (= Глобализация: Монголия и монголы). ШУА-ийн мэдээ (Улаанбаатар). 2010. № 3. Х. 5–46. (На монг. яз.)

Janzen 2004 — *Janzen Jörg*. Stand und Perspektiven der mobilen Tierhaltung in der Mongolei aus der Sicht eines deutschen Forschers // Монгол-Германы харилцаа: Өнгөрсөн үе, Эдүгээ, Хэтийн төлөв. Улаанбаатар: ШУА, 2004. Х. 130–136. (На монг. яз.)

Fernandez-Gimenez 2006 — *Fernandez-Gimenez M.* Land Use and Land Tenure in Mongolia: A Brief History and Current Issues // USDA Forest Service Proceedings RMRS-P-39. 2006. Pp. 30–36. URL: http://www.fs.fed.us/rm/pubs/rmrs_p039/rmrs_p039_030_036.pdf> (дата обращения: 30.11.2018).

References

Avirmed S. [Changes in the MPR's social class structure revisited]. J. Amindavaa (ed.). Ulaanbaatar: Science Publ., 1960. 26 p. (In Mong.)

Bazargur D. [Pasture livestock breeding geography]. Ulaanbaatar: Solongo Press, 1998. 245 p. (In Mong.)

Barkmann, Udo. [Mongolian livestock breeding economy in the transition period: 1990 to 2000]. School for Social Studies, National University of Mongolia. Tüükh erdem shinzhilgeyeniy bichig. 2006. No. 33. Pp. 153–165. (In Mong.)

Enkhtuvshin B. [Globalization: Mongolia and the Mongols]. ShUA-iyn medee (Ulaanbaatar). 2010. No. 3. Pp. 5–46. (In Mong.)

Fernandez-Gimenez M. Land Use and Land Tenure in Mongolia: A Brief History and Current Issues. USDA Forest Service Proceedings RMRS-P-39. 2006. Pp. 30–36. An Internet resource: http://www.fs.fed.us/rm/pubs/rmrs_p039/rmrs_p039_030_036.pdf> (accessed: 30 November 2018). (In Eng.)

Janzen Jörg. Stand und Perspektiven der mobilen Tierhaltung in der Mongolei aus der Sicht eines deutschen Forschers (Nomadic livestock breeding in Mongolia: the present situation and perspectives. An opinion by a German researcher). Mongol-Germany khariltsaa: Öngörsön üe, Edügee, Khetiyn tölöv [Mongolian-German relations: past, present and future]. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 2004. Pp. 130–136. (In Germ.)

Jagvaral N. [Present-day nomads and nomadic economy in the MPR]. A ScD thesis. Ulaanbaatar, 1958. 356 p. (In Russ. and Mong.)

Ivanov Yu. G., Kochurov B. I. Essence of the land exploitation theory revisited. Regional Environmental Issues. 2004. No. 3. Pp. 84–88. (In Russ.)

Nadirov Sh. G. [Yu. Tsedenbal: the year 1984]. Moscow: BiG-N, Vost. Lit., 1995. 188 p. (In Russ.)

Nadirov Sh. G. Yu. [Tsedenbal — 1984]. B. Baasansuren, Yu. Kruchkin (transl.). Ulaanbaatar: Interpress, 2016, 212 p. (In Mong.)

Shagdarsuren Ts. [A brief history of the Mongols (and their culture)]. Bibliotheca Mongolica. Vol. II. Ulaanbaatar: Centre for Mongol Studies (National University of Mongolia), 2003. 304 p. (In Mong.)

Tsedenbal Yu. [Papers, articles and speeches]. Vol. II. Ulaanbaatar, 1967. 284 p. (In Mong.)